

Вечером в ту последнюю пятницу, уже вся собранная, бабШура наставляла:

– Ты хоть парень и городской, но руки у тебя из правильного места растут. Не пропадёшь. В воскресенье вернись ужо. А заплот не поправишь ли? Да про курей не забудь. Ой, постоялец, избу тока не спали мне!

– Да не волнуйтесь вы, баб Шура! Поезжайте на здоровье. Всё будет нормально.

Пока она увязывала свой узел с гостинцами, я вышел из хаты глянуть, что там с заплотом. Это по-местному – забор. Из двора калитка на огород. А там с трёх сторон – заборчик. С одной вообще завалился, столбы сгнили напрочь, и два пролета упали. словно танк прошёл от баб-Шуриных грядок к соседям, к их меньшему домику.

У баб Шуры – изба, а у соседей – большой дом, подальше маленький домик, а посередине хозблок, тоже большой, там баня у них и ещё, наверное, стайка и всё такое. Точно не знаю, я их, соседей, ни разу за это время не видел.

Ага, баня там у них! Да какая! Я стою, как истукан, и вижу: выходит из хозблока дива дивная, распаренная, светлые волосы до плеч, в одной короткой комбинашке и безрукавке. Глянула на меня, остановилась, руки скрестила под грудь, смотрит лукаво, глаза – озёра. Всё показала – бёдрами посветила насквозь, глазами прям объела со всех боков. Меня словно то-

ком ударило, трясет, колотит. А она постояла так, потом молча повернулась и ушла к себе в домик.

– Ну, ты где, постоялец?

Баб Шура уже потеряла меня, в избу кличет. А ко мне только-только речь вернулась, с другой планеты прибыл.

– Соседка-то молодая, кто такая?

– А-а, глянулась те Людка? Так это Коли Устюгова дочь, отдельно с мужем живёт. Но мужа ейного посадили зимой. А Николай-то сам электриком. Справно живут, по-честному, всё есть у их. Ну, пошла я. Хату надолго не оставляй, хоть у нас и не балуют...

И она ушла на станцию, не согласилась, чтоб проводил, – близко же. Я дождался, когда тепловоз свистнул, это слышно было – и завалился с книжкой в кровать. Не заметил, как уснул. Очнулся ночью, свет горит. Пошёл на двор – звёзды как яблоки. Тишина. Красота. Даже жалко, что у меня практика такая короткая! Городок небольшой, зелёный, так и жил бы здесь всю жизнь без забот и суеты столичной. И люди совсем не такие, как у нас, – добрые, светлые, как... Как волосы у этой соседки...

Утром первым делом вспомнил про заплот и про курей. Включил плитку – а не работает. Ни-

где света нет. Полез к счётчику, поменял пробки. Не горит. Если это надолго, вечером не почитать, а я ещё хотел к диплому хоть что-то написать. Беда.

Нашёл топор, пошёл забор чинить. А сам нет-нет да и подниму лишний раз голову – не стоит ли у порога соседского домика дива вчерашняя по имени Людка. Нет, не стоит. Хотя явно в домике она. До него рукой подать, слышно: музыка тихонько играет.

Уже заканчивал с забором, последний гвоздь колотил, когда на дорожке показался сам хозяин. И тут я вспомнил, что звать его Николай и он электрик.

– Здравствуй, сосед! – говорю. – А я на практике здесь, у баб Шуры на постое. Заплот вот чинил.

Мужик остановился, улыбнулся раслабисто.

– Здорово, практикант! Откуда сам-то будешь?

Не сразу я и понял-то – слова говорит врастяжку, губы кривит, смотрит насмешливо – да-тый Николай, с утра принял, и, похоже, немало.

– Из Москвы. А у вас свет есть?

– Из Моаа-сквы?! – брови у Николая полезли вверх, весь как-то развернулся в мою сторону, улыбка сошла, словно решает что-то. – У нас всё есть... И у тебя будет – не проблема.

– Так, может, зайдёте, посмотрите?

– Щас приду! – он словно даже обрадовался.

И точно – через пять минут появился, уже в белой рубашке и безукоризненно выглаженных брюках. Да уж, дело мастера боится – через пять минут свет был.

– Ой, спасибо! Сколько я вам должен?

– Ты, парень, про это и не заикайся. Тут тебе не Москва, у нас люди честные, высокой пробы. Живём как родные. Не всё за деньги покупается и не всё продается, понял?

Он говорил теперь чётко, рубленими короткими фразами, явно старался не показать, что выпил.

– Я у тебя погостил, теперь давай-ка ты к нам!

И, не слушая возражений, меня за плечо крепко так зацепил и повёл.

Клянусь, я сопротивлялся только для приличия. Просто до рези в животе захотелось горячего супа, малосольных огурчиков, нормального мужицкого общения, разговора и шуточек застольных. Была ещё одна причина, почему я пошёл, но это понятно...

Первым делом Николай показал свой огромный дом, познакомил с женой – женщина такая пухленькая, скромная, с серо-голубыми глазами, что маленькие озёра. Потом повёл в маленький домик. Уходя, приказал жене:

– Ну-ка, накрой нам в баньке – видишь, человек по домашнему соскучился! Да икру не забудь!

Мы с ним шли по дорожке, что вела мимо хозблока прямо к домику, где жила светловолосая дива, скучающая без мужа, и её отец держал меня за плечо, вцепившись так крепко, словно я с рождения склонен к побегу. У дверей чуть пропустил вперёд, без стука открыл дверь.

– Дочур, а у нас гость! Он из Москвы!

И вытолкнул меня на середину комнаты.

Люда подняла на меня свои бездонные глаза и не сказала ни слова. Она сидела на диване в шёлковом халатике и в толстых вязаных носках. Она просто вперилась в меня и молчала – то ли оценивала, то ли показывала, что онемела от счастья. Принц приехал. А какой я принц тебе, красавица с маленькой узловой станции?

– Ну, вы тут поворкуйте, а я пойду проверю.

Ты, дочур, в баню-то приходи, мать там накроет. И вышел. Люда всё смотрела на меня не мигая. Потом легко усмехнулась, но не зло, не презрительно, а как-то счастливо, встала и протянула ладошку:

– А меня Людой зовут.

Голосок чистый-чистый, утренний, домашнему тёплый. Улыбается по-доброму, как родному.

– Вот и славно, что познакомились. А я вас сразу заметила, ещё на огороде вчера. А вы правда из Москвы? Как интересно! Расскажите, а?

И мне стало с ней так легко, так весело, так уютно, что я начал чему-то смеяться и рассказывать что-то интересное, и через минуту мы уже оба смеялись взахлеб, и она махала на меня рукой: «Ой, не могу! Ой, умора!». И пару раз коснулась, словно незначай, моей руки. И снова – током пробило меня. А потом вдруг Люда на миг задумалась о чём-то, словно вспоминая, встала с дивана и, повернувшись всем телом, спросила в упор:

– А хочешь, я тебе что-то покажу? Наш выпускной. Хочешь?

Терпеть не могу в гостях листать семейные альбомы, но тут согласился:

– Конечно, покажи!

Она пошла к шкафу, как-то странно оглядываясь, потом взяла стул, ещё раз оглянулась через плечо, медленно забралась на стул и потянулась руками вверх, высоко заголив крепкие белые ноги.

– Где-то он здесь, на шкафу, альбомчик мой заветный, – тянула она нараспев. И обернулась посмотреть, смотрю ли на ноги ее. Я делал вид, что не смотрю, а она делала вид, что ищет альбом. Может, поддержать? Подойти – не подойти?

Дверь стукнула. У порога стоял ухмыляющийся Николай. Похоже, он ещё добавил за это время.

– Не всё еще? Чего-то вы долго... Ладно, пошли, мать уже накрыла.

Стол в баньке был шикарный. Да и сама банька – тоже. Никогда такой не видел. Огромная комната, обитая белым деревом. Печка уходит в парилку. Мягкие, ужасно дорогие стулья с высокой спинкой, картины на стенах. Прямо дворец.

– Давай-давай, не тушуйся, садись ближе! Не, рюмки мы эти уберем, будем по-простому, из стаканов, как деды наши пили...

Пришла жена, села с нами. Она расположилась напротив меня, глядя тёплыми, влажными глазами с любовью, как на сына.

– Да вы ешьте, ешьте. Вот икорки берите.

Николай посунулся тоже:

– Давай закусывай! Ложкой бери. Никогда не ел икру ложкой? Самое то. Во-от та-ак! А то другие намажут одним слоем на хлеб, да не дай бог икринка упадёт, под диван закатится, все искать кинутся!

И он долго ржал, довольный собой и жизнью.

– Люблю шутковать! – тут же налил по второму стакану. – Давай! За всё доброе!

Разговор пошёл скоротечнее, оживлённее. Расспрашивали меня, где, с кем живу, кем буду после окончания института, кто родители. Охали, смеялись, восхищались, переспрашивали.

Когда пришла Люда – в белом платье, красиво причёсанная – все засуетились, задвигались. Она села рядом со мной. Отец налил дочери полный стакан:

– А это тебе – штрафная! Не воронь, сказано!

Чего она не должна делать, я не понял. Смотрел, как Люда мужественно выпила стакан вод-

ки, прикрыла ладошкой рот, отчего остались на лице одни глаза – смеющиеся, счастливые, смотрел, как мило и аккуратно она ела. Комната уже плыла у меня, стены смешно качались...

Как она ушла, когда исчезла жена Николая, я не заметил. Мы сидели с ним вдвоём за столом, и он все говорил, говорил. Уже был без рубашки, голый по пояс, руки волосатые, на мощной груди наколка – Сталин.

– Ты что, воевал, дядь Коль? За Родину, за Сталина?

– Ты чего меня навеличиваешь?! Какой я тебе дядя Коль? – почему-то взбился он. – Ну, не воевал – и что? У меня броня была, понял? Броня! Я электрик, такие специалисты на вес золота. Потому и не призвали, потому и на пенсию в пятьдесят пошёл!

– Я что-то не слышал, чтобы электрики в пятьдесят лет на пенсию уходили...

– Ты многое ещё чего не знаешь, сынок! Я же не простой электрик. Простых много! А я – специалист по токам высокой частоты, понял? Мне двести двадцать – тьфу! Даже не бьёт, голыми руками могу провода держать. А там десять тыщ вольт, понял?

– По токам высокой чи-сто-ты? – переспросил я, трезвее и стараясь казаться остроумным.

– Ча! Ча-стоты! Вот за то мне и льготы такие! Да ты не о том! Подвинь стакан-то... Ты мне другое скажи, москвич, – дочка моя глянулась тебе, а? Э-э-э, ты не юли, не юли! Вижу всё! Такая красатуля! Люблю кровинушку мою единственную! Что хошь дам за ней, лишь бы счастлива была!

– Так она же замужем...

– Была замужем! Ведь как родного его встретили, свадьбу сыграли, на внуков надеялись – куда это я всё теперь, кому передам? Мудак этот в тюрьму загремел...

– За что?

– Да ни за что! За глупость свою и за жадность. Прохожего зимой ограбил. Четыре года впаяли. Я и на суд не ходил. Зачем нам такой зять? Не было в нашем роду никогда такого... Ладно, за дело бы – а то шапку снял... Эх! У меня этих шапок, знаешь сколько... Хошь, подарю?

– А зачем лишние-то покупаете?

– Я? Покупаю? Я не покупаю. Я сам делаю. Шапки-то...

– Так вы ещё и скорняк?

– Не вы, а ты! Нечего мне выкать, а то потом отвыкать сложно будет... Не, сам не шью. Зачем? Шкурки отдаю, а люди шьют.

– А какие шкурки? С охоты?

Николай как-то странно сощурился, и стало не понять, совсем он пьяный или притворяется только.

– Шапки из собачек. Ружьишко есть – хочешь глянуть? – но охотиться не люблю. Грешно живность порохом изничтожать, у нее же нет ружья, ответить не может.

– А собачки?

– Так я ж только бродячих деру! Польза обществу! Тебе правда интересно? Так я научу! Дело не сложное. Главное – не бойся. Они, собачки-то, вёрткие, лучше всего за шею сзади ухватить... И от себя, на вытянутых руках, иначе весь живот тебе лапами исполосует... Минута делов и готова шапка... Эх, мало ему, мудаку, моих шапок было, ондатровую захотел. Вот пусть посидит, подумает, как на чужое зариться...

– Так ведь Люда ждёт его?

– Тут вопрос не в том, ждёт или не ждёт. Тут вопрос – нужен он нам такой или нет. Давай пей! С богом! И жуй, жуй... Икра вот, сейчас ещё подложу...

Тут зашли обе – мать и дочь. Похожие друг на друга. Светлые, чистые. Улыбаются:

– Ну как вы тут, мужички? Всё гутарите?

Мать – словно королева. Статная, важная. Люда – принцесска маленькая. Стройная, красивая, смотрит зазывно. Платье сменила на мини-юбку, губы накрасила. Прямо московская студентка-первокурсница. Ох, хороша!

– Вы, девоньки, тащите ещё бутылку, – привстал со стула хозяин. – И дров подбросьте, сейчас париться пойдём с гостюньчком нашим дорогим! И икорки, икорки – большую банку давай, ишь, по вкусу ему!

– Сначала вы с маманей парьтесь, а потом молодёжь! – вдруг чистый, утренний голосочек выдал тираду, словно горнист в атаку армию поднял. Разом притихли все.

– Ну, это ты брось! – властно сказала королева-мать. – Ты вчера в баню ходила...

Люда бросила на меня томный взгляд и вышла.

В парной было так жарко, что у меня сразу заболела голова. Столько выпить – и на полок? А Николаю хоть бы что. Плеснул пару ковшиков на каменку, а когда затуманилось всё и дыханье стало перехватывать, похлопал рядом с собой.

– Садись, договорим... Так вот, о чём я... Людка-то, может, и ждёт. Понятно, дело молодое. Как на духу тебе скажу, потом всё равно узнаешь... Она у меня честная, в масть пошла, таиться не будет. Случилось тут по весне. Телевизор у неё сломался, ну я и пригласил специалиста, знакомого своего. Он за час всё починил. Денег у нас не принято давать или брать, а бутылку, как водится, я поставил. Сидим, а гляжу – дочура моя раздумянилась да всё на приятеля посматривает. А как бутылку допили, шепнула мне: «Папа, иди к себе». Утром я проснулся, тень за окошком мелькнула, глядь на часы – шести нет ещё. А больше – не, больше ни разу ничего себе такого она не позволяла, это я тебе как отец говорю... У нас всё по-честному...

Он долго молчал, прежде чем спросить главное. Потом выдохнул быстро:

– Ну что? Женишься?!

Я смотрел на него, прямо в глаза его ждущие, прямо в лицо его мокрое, красное, неподвижное – и он почему-то показался мне роднее после этих откровений и совсем не старым, а добрым, близким, доступным. Но я молчал, и он закинул мне на шею свою волосатую руку, больно сжав ключицу толстыми пальцами.

– Да я тебя не тороплю, понимаю, что всё с налёту получилось! Но – думай! И ещё скажу тебе: заладится – век меня будешь благодарить. В золоте с Людочкой купаться станете, осыплю с головы до ног...

Тут он наклонился вплотную ко мне и, почти касаясь лица мокрым и дурно пахнувшим ртом, прошептал:

– Я, знаешь, какой богатый! Тебе и не снилось! У меня миллионы, мил-ли-оны!

– С шапок, что ли?

– Э-э-э, шапки – это что... Это пустяки. Я ведь... Всю войну... И до войны ещё...

Я сидел не шелохнувшись, словно чувствовал: то, что сейчас услышу, не знает никто. И Николаю не просто хочется высказать наболевшее, запрятанное глубоко в душе, но почему-то ему очень важно пооткровенничать со мной, раз уж начал.

– Только ни-ко-му! Узнаю – убью, не посмотрю, что зять. Я ж подписку давал.

– О неразглашении?

– Ну! О том, что на службе состою. Секретной. Ни жена не знает, никто. Думает, я в командировки ездил. А на самом деле...

– А на самом деле?

– И на самом деле ездил. Только не начальство меня посылало. К директору вызовут, а там человек сидит, каждый раз новый. Даст мне билет на поезд, скажет: «Ваше место пятое, а его – седьмое. Больше никого в купе не будет. Все остальное вы знаете».

– А его – это кого? – выдохнул в его глаза, чувствуя, как странным холодом обдало спину, живот и ноги, и всё тело вдруг пошло мурашками.

– Кого-кого? Врага народа, вот кого! – пальцы сдавили ключицу так, что я чуть не заорал от боли. Синяк останется.

– И что с ним? Тоже... как собачку?!

– А чего с ним чикаться! Это же враг – ты что, не понимаешь? Ты не понимаешь, что мы потону и победили фашистов, что избавились от этой мрази внутри страны?

– А сами-то как?

Мне невозможно было назвать Николая на «ты», никак невозможно, потому что колотило меня и трясло. Он не замечал. Он словно не чувствовал, все жался ко мне плотнее и только давил мою шею и плечи. И был такой мокрый, скользкий, вонючий.

– А сам схожу на следующей станции – и всё. Сажусь на обратный поезд, и утром уже дома...

– Платили хорошо?

Вопрос ему очень понравился. Он хмыкнул, отсел довольный.

– Вот это ты правильно интересуешься! У меня, как ты видишь, секретов теперь нету – родные уже, считай. Платили, да, хорошо. И деньгами, и карточками. Тогда ведь карточки были, до сорок седьмого года. Только я карточки в городе менял на облигации. На займ государственный всех подписывали, попробуй откажись, а людям жрать нечего было, вот они и меняли эти бумажки на карточки – считай, сотни человек я спас от голодной смерти. Вот так-то...

– А с облигациями что потом?

– Чудак ты! Они ж потом погашаться стали! У меня их тыщи, с каждого тиража две-три выигрывают.

– И крупные выигрыши были?

Он ещё дальше отодвинулся, глядел одобрительно, как смотрит отец на сына, подающего большие надежды и готового в будущем приумножить семейное дело.

– А то как же! Три раза по десять тысяч – это тебе не шутка. Если б захотел, сто машин купил бы уже. Вот родите внука мне с Людкой – всё

будет! И квартиру вам сделаю в Москве, на всю жизнь обеспечу...

– А если откажусь – врагом народа стану? И тогда что? Как собачку? – спросил я и тут же понял, что мне конец.

– Ну-ка, пойдём выйдем, – прошипел Николай и полез с полка.

Женщины успели поменять посуду и немного прибрать. На столе стояли новая запотевшая бутылка, тарелки с салом и огурцами, огромная чаша с икрой, дымились пельмени.

Николай пихнул меня на ближний стул, одной рукой ухватил за спинку другой стул, перевернул его и сел, как на коня. Теперь его лицо напротив моего, и теперь он не был пьян. Глаза его сверлили, буравили меня и медленно наливались кровью.

– Ты что ж думаешь – самый умный здесь? Пожрал и соскочил? Провести меня хочешь, а, сучонок? Не, не выйдет! Мы и не таких видали. Ещё в ногах валяться будешь...

Он говорил тихо, чётко проговаривая слова, словно выплевывая их мне в лицо:

– Да куда ты теперь денешься? Чего молчишь? Отвечай!

Я молчал. Мне было очень страшно.

– Страшно тебе? Чего молчишь? Отвечай!

Я молчал.

– Ну, в общем так... Или ты сейчас соглашаешься, или...

И тут мне стало совсем плохо. Голова горела и раскалывалась. Но внутри, где-то в желудке, появился какой-то ком, твёрдый камень, и весь я стал как камень, вмиг осознав нереальность, запредельность ситуации. Это не со мной происходит, это вообще не должно происходить ни с кем! Я попытался встать со стула, но Николай хлопнул меня ручищами по плечам и намертво припечатал к сиденью.

– Я тут откровенничаю с ним, понимаешь, как с сыном! Приняли как родного, а он нос воротит! Соскочить захотел? Да ты только вякни тут – в порошок сотру! И душишь тебя не стану, сучонок! Клеммы приставлю от трансформатора, ток пуцу – соловьём запоешь! Ты хоть знаешь, что такое токи высокой частоты?..

Ком в животе стал подниматься к горлу, камень вытягивался, становился мягче, быстро заполнял все пустоты внутри моего тела, заставляя выпрямить спину и поднять безвольно

упавшую голову. Я снова увидел глаза соседа – красные, вылезающие из орбит.

– Убийца! – прохрипел я из последних сил. И впервые назвал его на «ты»: – Ты – фашист!

Дальше помню плохо. Помню, меня стошнило прямо на Николая. Как он меня душил и что орал при этом – помню смутно. Как прибежали на крик его жена и дочь – это вообще в тумане. Помню визг белокурой принцесски и истошный вопль королевы: «Вали отсюда!».

Помню, что вбежал в избу баб Шуры, закрылся на крючок и рухнул на кровать. Всё...

* * *

Назавтра я не смог встать, провалялся весь день. У соседей было тихо. Вечером вернулась из гостей баб Шура. Я ничего не стал ей рассказывать. Вообще никого не хотелось видеть, ни с кем разговаривать. В понедельник закончилась моя практика, и я вернулся в Москву.

Здесь можно было бы поставить точку. Но спустя несколько лет я случайно оказался в командировке в том самом маленьком городе.

Знакомый облупленный вокзал и улицы с цветущими палисадниками. Страшное давно забылось. Да и было ли оно, не пригрезилось ли?

Дошёл до баб Шурино дома, постучал в дверь, вошёл. Она несколько не изменилась, разве что морщин побольше да росточком ниже стала. Узнала сразу, рада была очень, называла уже не постояльцем, а сыночком.

– А заплот-то, что ты мне тодысь чинил, стоиит! – радостно сообщила.

Мы пили чай с московскими конфетами, я спросил её про соседей.

– Устюговы-то? Так они ж уехали. Как Николай помер, так дом продали и уехали. Ой, сыночек, там такая история была – не поверишь старухе! Новый-то хозяин стал в бане полы перестилать и отрыл целый бидон с-под молока, набитый сотенными! Вот те крест – доверху набитый сторублевками старыми. Сейчас такие не в ходу, бумажки ненужные, а по-старому, говорят, там миллионы были... А может, и врут люди, сейчас ведь нельзя никому верить, да ведь, сыночек?

